

УДК 520.827; 524.74

Воспоминания о Константине Константиновиче Чуваеве

И.И. Проник

Поступила в редакцию 10 октября 2007 г.

Наша семья переехала из Симеиза в Научный в декабре 1962 г. До этого я работала по Плану Г.А. Шайна по структуре нашей Галактики и защитила на эту тему кандидатскую диссертацию в Москве в ГАИШ. Ко времени нашего приезда в пос. Научный эта тема уже не стояла в плане обсерватории, но была возможность заниматься исследованием галактик на только что вступившем в строй 2.6-м рефлекторе им. академика Г.А. Шайна (ЗТШ). Первой проблемой, поставленной на нем, была “Многоцветная фотометрия галактик в первичном фокусе с применением электроннооптического преобразователя (ЭОПа)”. В то время эта тема была очень актуальной. Она позволяла исследовать не только внешние галактики, но также получить данные, помогающие исследовать нашу Галактику. Наблюдения по этой теме вел Константин Константинович Чуваев, к которому я и обратилась.

Навесная аппаратура была изготовлена под руководством Константина Константиновича. Она представляла собой массивный флянец, на котором крепились вертушка с фильтрами, ЭОП и кинокамера. Флянец крепился с внешней стороны стакана первичного фокуса. За этим хозяйством внимательно следил Константин Константинович. Он проверял состояние ЭОПа, делал необходимую фокусировку, смотрел, чтобы кинокамера работала нормально, и чтобы было все необходимое для стандартизации и проявления полученного фотографического материала.

Константин Константинович научил меня наблюдениям в первичном фокусе ЗТШ с этой аппаратурой. Наведение телескопа, смена фильтров, установка времени экспозиции и ее производство проводились из операторской. Эти операции не представляли трудности. Трудной была фокусировка изображений звезд на катод ЭОПа. Эту операцию надо было делать в течение ночи несколько раз, т. к. фокус “уходил” из-за изменения температуры воздуха, а следовательно, и зеркала.

Для выполнения фокусировки оператор направлял телескоп на небо на большом зенитном расстоянии, чтобы наблюдатель смог дотянуться до прямого фокуса и в лупу посмотреть качество изображения. Для этого наблюдатель поднимался на галерею, возвышающуюся над уровнем пола на 3 м и еще на стремянку высотой примерно 2 м, которая ставилась на галерею. Получалась высота наблюдателя над уровнем пола примерно 5 м. Держаться было не за что: в руках были пульта тонкого движения телескопа и фокусировочного движения стакана. Несколько спасало то обстоятельство, что делалось все это в полной темноте, выключался весь большой и маленький свет в подкупольном пространстве. Тогда не было видно, на какой высоте находишься.

В программу наблюдений входили несколько сот галактик, расположенных как на летнем, так и на зимнем небе. С вечера до утра наблюдались галактики, которые находились около меридиана. Наведение телескопа на галактику осуществлял оператор с пульта управления телескопом, который находился в операторской. Наблюдение одной галактики включало фотографирование в 7–9 фильтрах. Наблюдатель из операторской менял фильтр, продолжительность экспозиции, которая была разной для разных фильтров, и экспонировал изображение

в каждом фильтре отдельно. Экспозиции были короткие, от 1 до 7 минут, работа была напряженной, и время терять было нельзя. Для абсолютной калибровки снимков галактик время от времени фотографировались расфокусированные изображения стандартных звезд. После того, как Константин Константинович научил меня наблюдать, стандартизировать и проявлять пленки, полученные с помощью кинокамеры, мы наблюдали с ним по очереди. Летом мы наблюдали через ночь, длинные зимние ночи делили пополам.

Был получен материал более чем для 200 галактик, который использовался разными сотрудниками КрАО. У нас с Константином Константиновичем было несколько работ, выполненных для трех спиральных галактик и выброса известной радиогалактики Дева-А. Материал мы фотометрировали в две руки и потом усредняли, если сходимость была хорошей. Константин Константинович был очень требовательным и обычно долго не решался писать текст, т. к. считал, что материал не готов к обсуждению. Часто было так, что мы вечером договаривались утром начать писать статью. А утром, когда я приходила на работу с мыслью, что начнем писать текст, то оказывалось, что Константин Константинович сидел за микрофотометром и перемерял сомнительные для него места.

Мы занимались также исследованием спектров активных галактик, но материал получали на разных спектрографах. Он получал спектры на спектрографе с ЭОПом, а я – на спектрографе со светосильной камерой Попова-Проника. Были дискуссии по полученным результатам. Когда наши мнения не совпадали, дискуссии были бурными. Но это никак не сказывалось на наших человеческих отношениях.

В наших семьях росли дети примерно одного возраста. Они ходили в один детский сад, одну школу и учились музыке у одной учительницы. Наши семьи вместе участвовали в праздниках в школе и в музыкальном кружке. Дети вместе катались с горки на лыжах в нашем яблоневом саду. Наши старшие дочери учились в одном классе и очень были дружны. Наша дочка Оля ходила на прогулки и в походы с семьей Чуваевых. Константин Константинович был очень хорошим отцом и часто привозил своим дочерям подарки из-за границы. Наша дочка Оля до сих пор вспоминает, как она с завистью смотрела на красивые розовые платья, которые Константин Константинович привез однажды своим дочкам из Германии.